

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

Научная статья

УДК 82

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_2_33_8

EDN: IHWNQV

Культурная символика образа ворона в русской и китайской поэзии. Часть 2

Елена Михайловна Болдырева^{1✉}, Елена Валерьевна Асафьева²

¹Доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков Юго-Западного университета. 400715, г. Чунцин, район Бэйбэй, ул. Тяньшэн, д. 2, КНР

²Преподаватель русского языка и литературы, Ярославский колледж управления и профессиональных технологий. 150042, г. Ярославль, Тутаевское шоссе, д. 31а

¹e71mih@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-2977-7262>

²tvist_o@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0933-0068>

Аннотация. Во второй части статьи продолжен анализ символического потенциала образа ворона в китайской и русской поэзии. На примере произведений китайских и русских поэтов разных эпох рассматривается своеобразие художественной репрезентации образа ворона в лирических текстах и выявляется широкий спектр его символических значений: ворон как пророк (Чжан Цзи, Ф. Тютчев, М. Цветаева, В. Брюсов, А. Ахматова, М. Зенкевич, С. Липкин, Н. Глазков, А. Галич, Д. Кедрин, З. Гиппиус, Б. Ахмадулина); ворон как символ одиночества человека в мироздании (Мэн Хаожань, Ли Бо, Чжан Цзи, Ма Чжиюань, Бай Цзюйи, Ю. Мориц); ворон как символ свободы (Ху Ши, М. Лермонтов). Отмечается, что образ ворона-прорицателя в русской культуре представлен значительно шире, чем в китайской, его семантическое наполнение близко европейской традиции, которая отождествляет ворона со смертью, апокалиптическими мотивами и распадом цивилизации, тогда как в китайской культуре образ вещего ворона связан в большей степени с положительными событиями, что обуславливается древнекитайской традицией изображения ворона как символа солнца и воплощения «сыновьей почтительности». В процессе анализа обращается внимание на изменение символических коннотаций образа в зависимости от лирической ситуации, от сопутствующих ключевому символу природных и историко-мифологических реалий. Образ ворона рассматривается как многоаспектная сущность, сочетающая в себе различные качества и символические значения: мудрость, долголетие, беспристрастность, любовь к свободе, жестокость, справедливость, тоску, одиночество, безысходность, выполняет функции хранителя тайн бытия и восстанавливает экзистенциальную справедливость.

Ключевые слова: культурный символ; мегатекст; мифология; образ ворона; аллегория; экзистенциальный кризис; метафизическое время; русская лирика; китайская лирика; философия; мировоззрение; лирический герой

Статья подготовлена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета Китайской Народной Республики при Министерстве образования КНР

Для цитирования: Болдырева Е. М., Асафьева Е. В. Культурная символика образа ворона в русской и китайской поэзии. Часть 2 // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2 (33). С. 8–17. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_8. <https://elibrary.ru/IHWNQV>

PHILOLOGY

Russian literature

Original article

Cultural symbolism of the raven image in russian and chinese poetry. Part 2

Elena M. Boldyreva^{1✉}, Elena V. Asafieva²

¹Doctor of philological sciences, professor, Institute of foreign languages, Southwest university. 400715, Chongqing, Beibei district, Tiansheng str. 2, PRC

²Teacher of the russian language and literature, Yaroslavl college of management and professional technology. 150042, Yaroslavl, Tutaevskoe shosse, 31a

¹e71mih@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2977-7262>

²tvist_o@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0933-0068>

Abstract. The second part of the article continues analyzing the symbolic potential of the raven image in chinese and russian poetry. The peculiarity of representing the raven image in poetic texts is shown in the works of chinese and russian poets of different epochs, and a wide range of its symbolic meanings is revealed: the raven as a prophet (Zhang Ji, F. Tyutchev, M. Tsvetaeva, V. Bryusov, A. Akhmatova, M. Zenkevich, S. Lipkin, N. Glazkov, A. Galich, D. Kedrin, Z. Gippius, B. Akhmadulina); the raven as a symbol of human loneliness in the universe (Meng Haozhan, Li Bo, Zhang Ji, Ma Zhiyuan, Bai Juyi, Yu. Moritz); the raven as a symbol of freedom (Hu Shi, M. Lermontov). According to the authors, the image of the raven-prophet in russian culture is much broader than in chinese culture, and its semantic content is close to the European tradition, which identifies the raven with death, apocalyptic motives and the collapse of civilization, whereas in chinese culture the image of the prophetic raven is associated to a greater extent with positive events, which is explained by the ancient chinese tradition of depicting the raven as a symbol of the sun and the embodiment of «filial piety». The analysis draws attention to the change in the symbolic connotations of the image depending on the lyrical situation and on the natural, historical and mythological realities accompanying the key symbol. The image of the raven is considered as a multidimensional entity that combines various qualities and symbolic meanings, such as wisdom, longevity, impartiality, love of freedom, cruelty, justice, longing, loneliness, hopelessness; it acts as the guardian of the mysteries of existence and restores existential justice.

Key words: cultural symbol; megatext; mythology; raven image; allegory; existential crisis; metaphysical time; russian lyrics; chinese lyrics; philosophy; worldview; lyrical hero

This article was prepared thanks to support of the Center for studying russian-speaking countries at Southwest university of the People's Republic of China, the PRC Ministry of education

For citation: Boldyreva E. M., Asafieva E. V. Cultural symbolism of the raven image in russian and chinese poetry. Part 2. *Verhnevolski philological bulletin*. 2023;(2):8–17. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_8. <https://elibrary.ru/IHWNQV>

Анализ

Во второй части статьи мы продолжаем рассматривать культурную символику образа ворона как важнейшего орнитоморфного архетипа и одного из компонентов орнитологического дискурса русской и китайской поэзии на примере поэтических текстов М. Лермонтова, Н. Гумилева, Ф. Сологуба, К. Бальмонта, А. Белого, А. Блока, В. Павловой, М. Петровых, Б. Окуджавы, И. Бунина, М. Цветаевой, И. Одоевцевой, Мэна Хаожаня, Ли Бо, Чжан Цзи, Ма Чжюаня и др.

«Каркайте, черные вороны!»: ворон как вещей пророк

Во многих культурах мира широко распространён культ ворона-прорицателя. Не случайно в европейской или скандинавской мифологии эти

птицы являются семьями – животными-духами, спутниками колдунов и ведьм или древних богов. На Руси эта птица называлась ещё «вешун» и встречалась в памятниках древнерусской письменности, например, в «Задонщине», «Повести временных лет», «Слове о полку Игореве» и т. д. В русских сказках ворон является помощником Бабы-Яги или Кощея Бессмертного. В основном ворон в русской традиции предсказывает события негативные – смерть, поражение в войне и т. д. В китайской культуре, напротив, эта птица является солярным символом и обозначает энергию Янь: «在上古神话中□乌鸦往往与神圣的太阳结伴而

行□被认为是“太阳鸟» [陈梅, 2007, с. 98] («В ан- тичной мифологии вороны часто идут вместе со

священным солнцем и считаются «солнечными птицами»). Ворон как предвестник смерти в китайской культуре появился значительно позже.

В стихотворении Чжан Цзи (династия Тан) «Ворон плачет немой» героине ночью является ворон. Его плач выражает глубокую скорбь по чиновнику, заключенному в тюрьму за некое преступление. Можно предположить, что речь идет о государственном хищении, которое в Китае карается смертной казнью. На это указывает факт, что узнику пришлось продать имущество своей семьи, чтобы «искупить вину». О грозящей чиновнику гибели свидетельствует и «приказание о помиловании». Скорбящий ворон – добрый знак, благодаря которому лирическая героиня узнает о решении императора о снисхождении, очевидно, раскаявшегося грабителя. Мир лирической героини меняется благодаря знамению: «Она встала с постели и больше не спала, а перед рассветом пошла поздравлять отца и мать» [Китайская классическая поэзия, 1956, с. 218]. Здесь же реализуется или, лучше сказать, видоизменяется коннотация образ ворона как символа «сыновней почтительности», о которой Ли Шичжень высказался следующим образом: «Когда ворон только рождается, мать кормит его шестьдесят дней, а когда он вырастает, он в свою очередь кормит свою мать шестьдесят дней; это можно назвать сыновней почтительностью» [李时珍, 2012, с. 124]. В стихотворении Чжан Цзи героиня, которой так и не суждено было стать вдовой, благодарит мудрого ворона и обещает заботиться о нем и о его потомстве: «Не бойся. Я одолжу тебе дерево для высокого гнезда, чтобы твои птенцы не страдали каждый год» [Китайская классическая поэзия, 1956, с. 218].

В русской культуре ворон обыкновенно является вестником страшных событий – войн, смертей, политических потрясений, катаклизмов. Одним из примеров может послужить стихотворение В. Я. Брюсова «Черные вороны» [Брюсов, 2012, с. 107], лирический герой которого желает получить от «черных» птиц известие о грядущем конце эпохи. По тональности стихотворение восходит к апокалиптическим мотивам поэзии декадентов, на что указывает антитеза «белый – черный», где черный – истина и перерождение, а белый – смерть и ложь:

Каркайте, черные вороны,
Мытые белыми вьюгами
<...>

Каркайте, черные вороны!
Истину скрыть вы посмеете ль? [Брюсов, 2012, с. 107]

Идея стихотворения заключается в утверждении неизбежности падения старого мира и традиционной парадигмы ценностей. Так, крестьящий «сеятель», осознавая конец эпохи идиллического сельскохозяйственного труда, отчаянно молится в надежде отсрочить технический прогресс и урбанизацию. Однако сознание человека ограничено, и он не понимает, что ручной труд уничтожает человека гораздо быстрее, чем технический:

Нивы страданием ораны,
Потом кровавым увлажнены [Брюсов, 2012, с. 108]

Символическое наполнение этого стихотворения не менее трагично – карканье ворона знаменует конечность человеческого существования. Призывая воронов, герой ускоряет собственную смерть, поскольку настоящее – тлен, иллюзия жизни, истинная же жизнь существует вне материи. Тогда бороны и пахарь – это символ настоящего, которое обречено на физическое разложение. Его место займут будущие мертвецы:

Пахарь! не мысли о роздыхе!
<...>
Долго ль останусь на свете я?
Вам же садиться на бороны
Вновь, за столетьем столетия [Брюсов, 2012, с. 108]

Исходя из этого, рефрен «каркайте, черные вороны» символизирует торжество метафизического времени – «той уникальной и чисто идеальной априорности, которая исследует условия, смыслы и цели процессуальности» [Лазарев, 2023] и попытку вырваться из реального времени в вечность через физическую деструкцию и смерть, а фраза «ваше пророчество» свидетельствует о неизбежности данного процесса. Подобные коннотации образа вещего ворона можно встретить поэзии А. Белого, А. Блока, Д. Мережковского и других поэтов-символистов.

Не менее интересны примеры, где ворон фигурирует как аллюзия к одноименной поэме Эдгара По. Нужно сказать, что само это произведение породило широкий спектр всевозможных реминисценций в русской поэзии. Мы рассмот-

рим лишь две из них. Первая из них – стихотворение С. Липкина «По Эдгару По» [Липкин, 2008, с. 56].

В оригинале поэмы ворон является посланником Ленор и вестником скорой гибели героя. Ночной гость, размеренно повторяя одну и ту же фразу, постепенно сводит с ума человека и заточает его душу в своей тени. Липкин в стихотворении сохранил ритмическую организацию английского текста, но полностью изменил содержание, наполнив лирический сюжет реалиями советского времени. Так, его герой не сидит, склоняясь над старинными томами, а идет тропой возле рижской магистрали в «глубине лесной печали» и встречает ворона. Описание птицы носит характер иронически-пренебрежительный: «Это старый чернокнижник, черный ворон, ворон злой / Страшных лет метаморфоза, посиневший от мороза, / Трехсотлетний член колхоза» [Липкин, 2008, с. 56]. Лексический спектр липкинского ворона тоже гораздо шире, чем у пророка американского поэта. Ворон обвиняет героя в растрате «святого дара» и в низведении его до базарного барахла и грозит ему страшной расплатой: «Бойся, грешник, будет кара, – черный ворон мне кричит». Ворон здесь – хранитель подлинного поэтического искусства, красноречия и таланта. Он обвиняет героя в косноязычии и лицемерии, но тот оправдывается: «Не лабазник, не приказчик, золотник я спрятал вящик, / Пусть блеснет он, как образчик правды нынешнего дня» [Липкин, 2008, с. 56]. Ворон не верит герою, напоминает ему о мести эриний и исчезает в лесу. В отличие от героя поэмы По, герою Липкина удается избежать гибели, поскольку, видимо, он не творил в угоду «янычарам», под которыми можно понимать как обывателей, так и низкохудожественные издательства, и не боялся критики, а ворон – лишь предупреждение о том, что поэзия – это божий дар, относиться к которому нужно с трепетом и ответственностью. В противном случае черная птица унесла бы душу творца во мрак. Добавим, что ошибочно будет видеть в образе «ворона-члена колхоза» какого-нибудь идеологически ангажированного критика, поскольку, во-первых, стихотворение датировано 1987 годом, когда критика была уже не столь политизированной и опасной; во-вторых, ворон в финале стихотворения поклонился «деревьям-звездочетам», что выражает идею ворона как хранителя древнего знания и предсказателя.

Еще одна аллюзия на поэму Эдгара По – стихотворение Н. Глазкова «Ворон» [Глазков, 1962, с. 38]. В первой строфе изображен образ злой черной птицы:

Черный ворон, черный дьявол,
Мистицизму научась.

Прилетел на белый мрамор

В час полночный, черный час [Глазков, 1962, с. 38]

Стремясь выдержать готический антураж, лирический герой, там не менее, прибегает к иронии. Заметим, что второй стих явно содержит насмешку над «древним злом», на фоне которой все негативные значения ворона нивелируются. Следуя лирическому сюжету поэмы, герой завязывает с вороном диалог о своем будущем – богатстве, личной жизни, друзьях, и на каждую реплику героя «Отвечал вещатель грозный / Безутешным НИКОГДА!..» [Глазков, 1962, с. 38]. Здесь герой Эдгара По теряет рассудок, пытается прогнать беспристрастного пророка, но падает без чувств, а герой Н. Глазкова переворачивает идею текста и переводит ворона в разряд псевдопророков, задав ему вопрос, на который нельзя ответить да или нет:

Я спросил: – Какие в Чили

Существуют города? –

Он ответил: – Никогда! –

И его разоблачили! [Глазков, 1962, с. 39]

Финал стихотворения – это своего рода «*deus ex machine*», содержащий идею, что человек есть порождение собственных проблем, и его уязвимый ум, склонный к мистицизму ввиду отсутствия критического мышления, наделяет простые вещи свойствами, ему не присущими. Так и появляются приметы, суеверия и т. д. Перед героем не страшный вестник мира мертвых, а птица, наделенная способностью говорить, и мистики в ней не более, чем в попугае. Вполне вероятно, что и смерть героя поэмы Эдгара По обусловлена не влиянием высших сил, а результат деятельности воспаленного творческого сознания, не сумевшего пережить утрату любимой. Ведь словоформа «*nevermore*», которую произносит ночной гость в оригинале поэмы, похожа на естественные звуки, издаваемые вороном, и такая умная птица с легкостью могла запомнить и произнести это слово, при учете, что интеллект ворона сравним с интеллектом трехлетнего ребенка. Поэто-

му стихотворение Н. Глазкова хорошо и тем, что по-новому позволяет взглянуть на оригинал.

В ряде текстов ворон предстает как символ одиночества, скитания, сопротивления и силы, а также политических потрясений. К таковым можно отнести стихотворение М. Зенкевича «Зимовье ворона» [Зенкевич, 1973, с. 102]. В центре лирического произведения – ворон, старый, но верный своей родине. В контексте стихотворения этому яркому образу противопоставлены гуси – перелетные птицы, переживающие холода в теплых странах. Несмотря на то, что в тексте ворон питается падалью и претерпевает невзгоды, сила его голоса, его полета, вдохновляет героя на борьбу:

Но вещей крик, что кинул ворон старый,
Моя душа, казалось, поняла,
Благоговейно слушая удары
По воздуху тяжелого крыла [Зенкевич, 1973,
с. 102]

Родная земля дает ворону силы для жизни, которыми он делится с людьми, потерявшими опору и надежду. Напротив, лишённые корней гуси обречены на гибель: «а те из высоты / Низверглись бы на снег от первой стужи» [Зенкевич, 1973, с. 102]. Лирический герой, услышав возглас гордой и сильной птицы, находит и в себе силы бороться с последствиями Октябрьской революции и быть готовым к новым тяготам. А пророчество ворона выражает не только действующий духовный кризис, возникший вследствие смены политического строя, но и дальнейшие исторические потрясения – гражданскую войну и первую волну русской эмиграции, где многим талантливым поэтам, ученым и писателям пришлось поневоле стать «перелетными».

Похожие идеи можно встретить и в поэзии А. Галича, в частности, в его стихотворении «Прилетает по ночам ворон» [Галич, 1991, с. 86], где вещая птица подбадривает героя, выражающего голос эпохи, но не до конца услышанного народом. Однако ворон и другие говорят о том, что хоть какая-то гласность уже прогресс по сравнению с временами, когда её не было вовсе.

Необходимо отметить, что образ ворона-прорицателя в русской культуре представлен значительно шире, чем в китайской. Его семантическое наполнение близко европейской традиции, которая отождествляет ворона со смертью, апокалиптическими мотивами и распадом цивилизации. Тем не менее, ворон, символизирую-

щий разрушение политического строя и являющийся нравственной опорой для радикально мыслящего сознания встречается только в русской и, отчасти, китайской культуре. В последней образ вещего ворона связан в большей степени с положительными событиями, что обуславливается древнекитайской традицией изображения ворона как символа солнца и воплощения «сыновьей почтительности»

**«На зеленой кровельке церковной он сидит,
хохлатый нелюдим»: ворон как символ
экзистенциального одиночества человека
в мироздании**

«通过乌鸦意象反映景色与作者心境的凄凉»

[张昊辰, 2018, с. 93] («Через образ ворона поэты отражают одиночество духа»). Подобное семантическое наполнение образа ворона в большей степени характерно для китайской культуры, нежели для русской. Из всех представителей семейства врановых именно ворон обыкновенный предпочитает одиночный образ жизни. По достижению двух лет птенцы покидают гнездо и устраивают свою жизнь самостоятельно. Связано это, вероятнее всего с тем, что «*corvus corax*» самые крупные представители семейства, и им нет нужды сбиваться в стаи, чтобы прокормиться и защитить потомство.

Так, в стихотворении Мэна Хаожаня (династия Тан) «На пути в столицу застигнут снегом» ворон передает глубокие страдания лирического героя. Испытывая тоску, он воспринимает окружающий мир сквозь призму деструктивных эмоций: «Бескрайнее мрачно / здесь к вечеру года небо», «сумраке зимнем / конец луны и начало» [Китайская классическая поэзия, 1956, с. 276]. Подобно тому, как снега сковывают горы и реки, сердцем героя овладевает всепоглощающее уныние. Пейзаж здесь крайне важен, поскольку, как отмечают исследователи, «образ ворона часто входит в поэтический комплекс «пустынное поле», «полесражения», «сумрак», «уединённый монастырь», «сухие плети» и т. д.» [Тропкина, 1995, Хань У, 2015, с. 124]. Сам ворон в стихотворении Мэна Хаожаня обречен на одиночество и вечное скитание:

Без пищи вороны
кричат на пустынном поле.
И гость опечален –
напрасно он ждал приюта [Китайская классическая поэзия, 1956, с. 276]

Таким образом, герой, ассоциирующий себя с вороном, выражает в этом образе глубокие переживания, связанные с путешествием в столицу. Мотивы дорожной тоски встречаются и в русской культуре, однако редко сопровождаются орнитологическими образами.

В стихотворении Ли Бо (династия Тан) ворон выражает идею скорби по утраченному человеку. В центре его – вдова, склонившаяся над станком: «Там синий шелк / Струится, словно дым» [Китайская классическая поэзия, 1956, с. 197]. В китайской культуре шелк – символ любви и верности, а синий цвет означает бессмертие. Кроме того, оставшись без мужа, она, возможно, потеряла кормильца, и теперь вынуждена работать еще больше, чтоб обеспечить себя. Ворон, ощущая ее тоску, каркает и ищет приют в ветвях, но не может обрести дом, как несчастная вдова не может найти утешения в монотонном труде и скрыться от одиночества.

Потеря мужа несопоставима по силе с утратой ребенком своих родителей. Ворон как символ потери предков изображен в стихотворении Бай Цзюйи (династия Тан) «Ночной крик ворона»: «Ворон потерял свою мать и стал немым в своих стенаниях» [Китайская классическая поэзия, 1956, с. 37]. Одной из предпосылок к негативизации образа ворона является его громкий крик, но у героя стихотворения голоса нет, что свидетельствует о его глубокой трагедии, выраженной в таком отчаянном крике, что сиринок просто не выдержал. Но ворон плачет не только потому, что лишился матери. Он переживает о том, что не сожжет выполнить долг и позаботиться о родителях. Здесь реализуется уникальный мотив, реализованный только в китайской культуре: мотив сыновней почтительности: «Голос вороны звучит так, будто он говорит, что не выполнил свой сыновний долг. Разве у других птиц нет матерей, но только вороны печальны до крайности. Рассуждая об этом, ворон вспоминает о человеке, который не присутствовал на похоронах матери – «Увы, такой человек хуже животного» [Китайская классическая поэзия, 1956, с. 37]. Ворон боится быть таким же неблагодарным, но ничего нельзя изменить, поэтому все, что ему остается – кричать по ночам, вызывая сочувствие окружающих: «Он плачет каждую ночь, и каждый, кто его слышит, чувствует себя очень печальным» [Китайская классическая поэзия, 1956, с. 37].

Ворон как символ одиночества и тоски представлен и в русской культуре, но в значительно

меньшей степени, и обыкновенно он сопряжен с мотивами смерти или мудрости.

В стихотворении Юнны Мориц «Ворон» [Мориц, 1982, с. 147] изображен мудрый ворон, доживающий свой век: «А ворон слишком стар / Для кладбищ и костей» [Мориц, 1982, с. 147]. Как мы говорили ранее, задача ворона – хранить тайны мироздания и помогать душам совершить переход в загробный мир. Однако герой стихотворения, пугающий маленькую девочку зловещим карканьем, уже не может выполнять свою миссию, и потому беспомощно стонет: «Болят его крыла / И легкое кровит, <...> Как черная звезда, / Он стонет по ночам» [Мориц, 1982, с. 147]. Старому ворону никто не может помочь справиться с болезнью, поскольку мать его наверняка умерла, а дети покинули.

Гордое одиночество ворона выражено в стихотворении «Ворон» [Кедрин, 1984, с. 293] Дмитрия Кедрина. В отличие от предыдущего примера, птица предпочитает одиночество, потому что с людьми ей скучно. Прожив сотни лет, ворон приобрел мудрость и опыт. Его образ сопоставим с монахом-отшельником, которого не беспокоит тщета сущего:

Есть в его
Насупленном покое
Безразличье
Долгого пути!
В нем таится
Что-то колдовское,
Вечное,
Бессмертное почти! [Кедрин, 1984, с. 293]

Стихотворение, написанное в начале Великой Отечественной войны, выражает оптимизм русского народа и надежду на скорую победу русской армии над гитлеровскими оккупантами. Ворон, выклевавший глаза полку Чингисхана и солдатам Наполеона, сохраняет хладнокровие и уверенность, чем успокаивает лирического героя, предположившего, что ворон своим долголетием обязан поеданию трупов врагов отечества: съеденный мозг наделяет его мудростью, выклеванные глаза – даром прорицателя.

Таким образом, ворон как символ одиночества и тоски широко распространен в культуре Китая. Обыкновенно наряду с этим реализуются идентичные универсальные символы тоски и страдания – пустынное поле, сухое дерево, снега и т. д. Также ворон-одиночка реализует сугубо китайский мотив сыновней почтительности. В

русской культуре образ ворона-отшельника представлен в меньшей степени и вторичен по отношению к основным значениям смерти, мудрости, величия и т. д.

«Зачем я не птица, не ворон степной» – ворон как символ свободы и независимости

Птица как символ свободы, смелости и независимости встречается во многих культурах мира. Обыкновенно подобными свойствами наделены или птицы высокого полета – орлы, ястребы, соколы – или существа мифические. В русском фольклоре нередко можно встретить таких сказочных персонажей как Жар-птица, Царевна-лебедь или Финист – ясный сокол, которые приносят счастье добрым и честным людям. Есть подобные образы и в китайской культуре, например, «желтый аист», который танцевал, когда люди ему хлопали, и растворился в стене, едва богатый чиновник заставил его танцевать для себя одного.

Ворон как воплощение свободы, независимости, вольнолюбия и бунтарского духа встречается весьма нечасто, что позволяет отнести его к индивидуально-авторским окказиональным образам.

«在中国现代文学作品中乌鸦常常作为某种叛逆的形象而被作为革命意志的象征» [冯静, 2002, с. 99]

Так в стихотворении Ху Ши «Ворон» [胡适, 2009, с. 118] изображена одинокая птица, отвергнутая суеверными людьми: «Никто не рад меня слышать, / Все называют меня дурной приметой» [胡适, 2009, с. 118]. Суеверие – признак застенчивости общества, его необразованности и консерватизма. В данном примере горожане олицетворяют традиционную идеологическую систему Китая, а ворон – революционные веяния начала 20 века, в частности «Движение за новую культуру», объединившее молодую передовую интеллигенцию. Подобно тому, как старый мир не приемлет смену культурной и мировоззренческой парадигмы, среда отвергает ворона, создавая ему различные препятствия, и птица вынуждена бороться с суровыми погодными условиями и недостатком пищи: «На улице холодно, ветрено, / Мне цепляться не за что <...> Холодно, голодно» [胡适, 2009, с. 118]. Однако высокая цель нести правду миру придает ему сил: «Я рано просыпаюсь, / На крыше дома сижу, каркаю» [胡适, 2009, с. 118]. Пророческой силе голоса ворона противостоит лживое щебетание иных

птиц, выражающих, по всей видимости, идеи конфуцианства, заповеди которого ограничивают радикально мыслящее сознание человека новой эпохи. Удел ворона – свободный полет, ради которого он приносит в жертву тепло и сытость: «Никто не может меня привязать / к бамбуковой палке» [胡适, 2009, с. 118]. Таким образом, в историко-культурном контексте ворон символизирует дух революции и непоколебимость молодой интеллигенции Китая начала 20 века.

Схожим по семантике является стихотворение М. Лермонтова «Желание», где лирический герой испытывает глубокое сожаление о том, что он не птица, парящая в небе: «Зачем я не птица, не ворон степной / <...> Зачем не могу в небесах я парить / И одну лишь свободу любить?» [Лермонтов, 2022, с. 79]. Мысль о свободе переносит его сознание в западную Европу, где «в замке пустом, на туманных горах», покоятся предки героя. Очевидно, что речь идет об одном из замков Шотландии, принадлежащих роду Лермонтов – Балькоми или Дерси. На это указывают и другие топонимы-детали: древняя стена, наследственный щит и меч, кельтская арфа, туманные горы, где в Шотландии обыкновенно селятся вороны обыкновенные, и т. д. Преодолев временной барьер, герой-романтик не только освободился бы от угнетающей реальности, но и воскресил бы истинный дух Шотландии – ее борьбу за независимость («Я стал бы летать над мечом и щитом, / И смахнул бы я пыль с них крылом»), ее фольклор и песни Тораса-Рифмача – шотландского поэта, предка М. Лермонтова («И арфы шотландской струну бы задел»).

Однако ворон в данном стихотворении олицетворяет не только свободу, но и смерть. Ирреальный пространственно-временной модус связывает образ этой птицы с древним кельтским эпосом – балладой о трех воронах, которые, по преданию, не могли приблизиться к трупу мертвого витязя, охраняемого соколами, верными псами и любовью жены.

Еще одна возможная коннотация ворона в данном стихотворении – птица-пророк, хранитель древнего знания. Известно, что Шотландский предок лирического героя – Томас Лермонт – имел не только прозвище «рифмач», но и «честный». По одной из легенд лесная Королева-фея наделила его даром предвидения, и тот предсказал смерть короля Шотландии Александра III и еще некоторые исторические события. Возможно, после смерти дух Томаса-рифмача обернулся вороном и стал хранителем древнего замка

Дерси и пыль, которую «ворон» стряхнул бы с «щита и меча» – это прах забвения. Подобные коннотации обусловлены идеями романтизма со свойственным ему двоемирием, мистицизмом и элементами готики.

Таким образом, ворон как символ свободы, независимости и бунтарского духа явление редкое как в китайской, так и в русской культуре, что позволяет нам отнести данное явление к индивидуально-авторской окказиональной интенции.

Заключение

«Образ ворона занимает особое место в картине птичьего мира <...> авторов. Опираясь на традиционную символику, поэты актуализируют в своём творчестве разные её компоненты» [Купчик, 2001, с. 548]. В отличие от иных героев орнитологического дискурса именно ворон окутан мистическим ореолом, он вызывает восхищение и ужас, воплощает в себе древнее зло и вековую мудрость, служит смерти и вместе с тем возрождению, это символ тьмы и символ света, символ солнца и луны, надежды и отчаяния. Детально рассмотрев образ ворона в текстах русских и китайских поэтов, мы пришли к следующим выводам:

Ворон как символ смерти являет собой образ птицы, поедающей человеческую плоть или забирающий его душевные силы. Нередко он орнаментирует батальные сцены или выступает в роли демона апокалипсиса. Подобное можно наблюдать в стихотворениях Цюй Юаня, Ли Ляня, И. Бунина, К. Вагинова, А. Белого и др.

Ворон как символ вневременности детерминирован мифическим долголетием ворона, продолжительность жизни которого измеряется в веках. Здесь он выступает в качестве связующего элемента между миром земным и божественным. Часто он охраняет загробное царство, помогает душам совершить переход из одной формы существования в другую. Ворон здесь – символ справедливости и мирового порядка. Его место обитания – кладбище или храм. Данная коннотация характерна в большей степени для русской культуры, нежели для китайской. Она встречается в стихотворениях М. Петровых, И. Бунина, К. Бальмонта, И. Одоевцевой и др., а также в китайской мифологии.

Ворон как пророк являет собой образ прорицателя. Обладая многовековым жизненным опытом, он прогнозирует будущее и сообщает эту весть человеку, предостерегая его, ободряя или предлагая помощь. Эти мотивы нашли свое от-

ражение в поэзии Чжан Цзи, М. Цветаевой, В. Брюсова, А. Ахматовой, М. Зенкевича, С. Липкина и др.

Ворон как дух одиночества и изгнания воплощает либо отражение глубинных человеческих переживаний, связанных с потерей кого-то из близких, либо следствие осознанного выбора птицы-отшельника. которой одиноко среди людей, чье сознание ограничено и уязвимо. В данном контексте ворон связан с идеей утраты сыновей почтительности, сакральной для китайской культуры. Подобные коннотации в русской культуре представлены в значительно меньшей степени и связаны либо с честолюбием птицы, либо с ее немощностью. В поэзии эти идеи отразили Мэн Хаожань, Ли Бо, Чжан Цзи, Ма Чжиюаня, Бай Цзюйи, Ю. Мориц.

Ворон как символ свободы встречается достаточно редко как в русской, так и в китайской поэзии и выражает идею романтизма у М. Лермонтова и дух революции у Ху Ши.

Семантическое ядро образа ворона включает в себе универсальные сущностные характеристики, присущие большинству мировых культур: смерть, страшное пророчество, вневременность, деструкция, нравственное падение, вековая мудрость, справедливость и т. д. На периферии актуализируются такие его качества, как стремление к свободе, уединению, однако подобные свойства являются в большей степени индивидуально-авторскими окказиональными вариациями.

Несмотря на, казалось бы, амбивалентную структуру, образ ворона в литературе и культуре России и Китая имеет широкий спектр семантических векторов. Традиционная парадигма «добро-зло» призвана унифицировать сложнейшие экзистенциальные категории и сделать их доступными ограниченному человеческому сознанию. Преодоление этой парадигмы дает исследователю возможность обнаружить редкие, но весьма значимые для культурной картины мира проявления того или иного образа, и по-новому взглянуть на уже, казалось бы, укоренившиеся в сознании человека культурные коды. Погружаясь в поэтическое пространство все глубже, мы постепенно приходим к осмыслению культурного наследия, отраженного в творчестве русских и китайских мастеров слова. Читатель может вдохновиться тем, как ворон Лермонтова, опьяненный свободой, бороздит небесные просторы в поисках руин древнего замка, где некогда парили его далекие предки; наблюдать, как ворон Бунина в гордом безмолвии хранит тайну челове-

ской судьбы с ее неумолимой безысходностью; слышать, как растворяется в столетиях глас ворона Петровых; проникнуться сочувствием к героям Ли Бо и Юнны Мориц, поняв, насколько тяготит экзистенциальное одиночество их героев; испытать ужас от страшного пиршества, запечатленного в бессмертных строках Ли Ляня и Валерия Брюсова. Не замечая тонких оттенков поэтического образа ворона, мы не сможем воссоздать картину, отражающую русско-китайский межкультурный диалог. Образные универсалии в совокупности с его индивидуальными составляющими создают уникальный «мегатекст», преодолевающий пространственно-временной барьер и позволяющий обнаружить удивительное типологическое сходство, ту уникальную «связь между поэтическими явлениями, находящимися на большом историческом [и культурном] расстоянии друг от друга» [Эпштейн, 1990, с. 281] и убедиться, что «стихи – это *всеобщий* знаменатель. Это то чудесное число, на которое любое явление мира делится без остатка. Это *всеобщий язык*» [Шаламов, 2016, с. 304].

Библиографический список

1. Брюсов В. Я. Пути и перепутья. Москва : Нобель Пресс, 2012. 224 с.
2. Галич А. А. Я выбираю свободу. Москва : Глагол, 1991. 256 с.
3. Глазков Н. И. Поэтоград. Москва : Молодая гвардия, 1962. 144 с.
4. Зенкевич М. А. Избранное. Москва : Художественная литература, 1973. 224 с.
5. Кедрин Д. Б. Стихотворения. Поэмы. Драма. Пермь : Пермское книжное издательство, 1984. 354 с.
6. Китайская классическая поэзия (Эпоха Тан). Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1956. 432 с.
7. Кравцова М. Е. Иконографические принципы буддийского изобразительного искусства // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко. Москва : Вост. лит., 2006. Т. 6 (дополнительный). Искусство, 2010. С. 183–200.
8. Купчик Е. В. Образ ворона в поэзии Б. Окуджавы, В. Высоцкого и А. Галича // Мир Высоцкого: Исследования и материалы. 2001. № 5. С. 545–549.
9. Лермонтов М. Ю. Стихотворения и поэмы. Москва : АСТ, 2022. 384 с.
10. Липкин С. И. Посохи. Москва : Издательство АСТ, 2008. 320 с.
11. Мориц Ю. П. Избранное. Москва : Советский писатель, 1982. 496 с.
12. Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке: Коллективная монография / отв. ред. А. И. Смирнова. Москва : Книгодел; МГПУ, 2019. 504 с.
13. Тропкина Н. Е., Хань У. Образ ворона в китайской и русской поэзии // Известия ВГПУ. 2014. № 7. С. 124–129.
14. Тропкина Н. Е. Русская поэзия 1917–1921 годов: художественные искания поэтов Серебряного века. Волгоград : Перемена, 1995. 244 с.
15. Хань У. Орнитологические образы в русской и китайской поэзии первой трети XX в. Волгоград, 2015. 181 с.
16. Шаламов В. Т. Все или ничего. Санкт-Петербург : Лимбус пресс, 2016. 522 с.
17. Эпштейн М. Н. Природа, мир, тайник вселенной. Система пейзажных образов в русской поэзии. Москва : Высшая школа, 1990. 304 с.
18. Яшмовые ступени. Из китайской поэзии эпохи Мин XIV–XVII века. Москва : Наука, 1989. 351 с.
19. 冯静.中西方文化中的乌鸦意象探析[J].齐鲁学刊, 2002(05):99-101.
20. 张昊辰.中国古代诗词中的乌鸦意象研究[J].青年文学家, 2018(30):91-94.
21. 李时珍 : 本草纲目/紫图选编。——西安 : 陕西师范大学出版社, 2012
22. 李时珍 : 本草纲目/紫图选编。——西安 : 陕西师范大学出版社, 2012.
23. 章磊.浅谈“乌鸦”在俄语中的文化伴随意义[J].俄语学习, 2018(06):10-15
24. 胡适 : 尝试集/胡适。北京 : 华夏出版社, 2009
25. 陈梅,王孝杰.简析中外文化中的乌鸦意象[J].哈尔滨学院学, 2007(09):96-100.
26. 高聚斌.中国古典文学中乌鸦意象的嬗变及原因[J].青年文学, 2009(10):21+164.
27. 齐鸽.乌鸦象征意义的流变[D].山东大学, 2018.
28. 李濂撰《嵩渚文集》卷八十九, 《四库全书存目丛书》集部别集类, 第471册, 齐鲁书社1997年.

Reference list

1. Brjusov V. Ja. Puti i pereput'ja = Roads and Crossroads. Moskva : Nobel' Press, 2012. 224 s.
2. Galich A. A. Ja vybiraju svobodu = I choose freedom. Moskva : Glagol, 1991. 256 s.
3. Glazkov N. I. Pojetograd = Poetburg. Moskva : Molodaja gvardija, 1962. 144 s.
4. Zenkevich M. A. Izbrannoe = Selected works. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1973. 224 s.
5. Kedrin D. B. Stihotvorenija. Pojemy. Drama = Verses. Poems. Drama. Perm' : Permskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1984. 354 s.
6. Kitajskaja klassičeskaja poezija (Jepoha Tan) = Chinese classical poetry (Tang era). Moskva : Gosudar-

stvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1956. 432 s.

7. Kravcova M. E. Ikonograficheskie principy bud-dijskogo izobrazitel'nogo iskusstva = Iconographic principles of Buddhist art // Duhovnaja kul'tura Kitaja: jenciklopedija: v 5 t. / gl. red. M. L. Titarenko. Moskva : Vost. lit., 2006. T. 6 (dopolnitel'nyj). Iskusstvo, 2010. S. 183–200.

8. Kupchik E. V. Obraz vorona v poezii B. Okudzhavy, V. Vysockogo i A. Galicha = The raven image in the poetry by B. Okudzhava, V. Vysotsky and A. Galich // Mir Vysockogo: Issledovanija i materialy. 2001. № 5. S. 545–549.

9. Lermontov M. Ju. Stihotvorenija i pojemy = Verses and poems. Moskva : AST, 2022. 384 s.

10. Lipkin S. I. Posohi = Staffs. Moskva : Izdatel'stvo AST, 2008. 320 s.

11. Moric Ju. P. Izbrannoe = Selected works. Moskva : Sovetskij pisatel', 1982. 496 s.

12. Ptica kak obraz, simbol, koncept v literature, kul'ture i jazyke = Bird as an image, symbol and concept in literature, culture and language: kollektivnaja monografija / otv. red. A. I. Smirnova. Moskva : Knigodel; MGPU, 2019. 504 s.

13. Tropkina N. E., Han' U. Obraz vorona v kitajskoj i russkoj poezii = The raven in Chinese and Russian poetry // Izvestija VGPU. 2014. № 7. S. 124–129.

14. Tropkina N. E. Russkaja poezija 1917–1921 godov: hudozhestvennye iskanija pojetov Serebrjanogo veka = Russian poetry 1917–1921: Artistic quests of the Silver Age poets. Volgograd : Peremena, 1995. 244 s.

15. Han' U. Ornitologicheskie obrazy v russkoj i kitajskoj poezii pervoj treti XX v. = Ornithological images in Russian and Chinese poetry in the early XX century. Volgograd, 2015. 181 s.

16. Shalamov V. T. Vse ili nichego = All or nothing. Sankt-Peterburg : Limbus press, 2016. 522 s.

17. Jepshtejn M. N. Priroda, mir, tajnik vselennoj. Sistema pejzaznyh obrazov v russkoj poezii = Nature, the world, the cache of the universe. The system of landscape images in Russian poetry. Moskva : Vysshaja shkola, 1990. 304 s.

18. Jashmovye stupeni. Iz kitajskoj poezii jepohi Min XIV–XVII veka = Jasper steps. From the Ming era Chinese poetry of the XIV–XVII centuries. Moskva : Nauka, 1989. 351 s.

19. 冯静. 中西方文化中的乌鸦意象探析[J]. 齐鲁学刊, 2002(05):99-101.

20. 张昊辰. 中国古代诗词中的乌鸦意象研究[J]. 青年文学家, 2018(30):91-94.

21. 李时珍: 本草纲目/紫图选编。——西安: 陕西师范大学出版社, 2012

22. 李时珍: 本草纲目/紫图选编。——西安: 陕西师范大学出版社, 2012.

23. 章磊. 浅谈“乌鸦”在俄语中的文化伴随意义[J]. 俄语学习, 2018(06):10-15

24. 胡适: 尝试集/胡适。北京: 华夏出版社, 2009

25. 陈梅, 王孝杰. 简析中外文化中的乌鸦意象[J]. 哈尔滨学院学, 2007(09):96-100.

26. 高聚斌. 中国古典文学中乌鸦意象的嬗变及原因[J]. 青年文学, 2009(10):21+164.

27. 齐鸽. 乌鸦象征意义的流变[D]. 山东大学, 2018.

28. 李濂撰《嵩渚文集》卷八十九, 《四库全书存目丛书》集部别集类, 第471册, 齐鲁书社1997年.

Статья поступила в редакцию 12.02.2023; одобрена после рецензирования 22.03.2023; принята к публикации 27.04.2023.

The article was submitted on 12.02.2023; approved after reviewing 22.03.2023; accepted for publication on 27.04.2023.